

ЯЗЫК • СЕМИОТИКА • КУЛЬТУРА

А. Д. Шмелёв

**РУССКИЙ ЯЗЫК
И ВНЕЯЗЫКОВАЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

А. Д. Шмелёв

РУССКИЙ ЯЗЫК И ВНЕЯЗЫКОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2002

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 01-04-16114

Шмелев А. Д.

Ш 72 Русский язык и внеязыковая действительность. —
М.: Языки славянской культуры, 2002. — 496 с. —
(Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-94457-074-1

Книга посвящена различным сторонам отражения в русском языке внеязыковой действительности.

Первая часть посвящена проблемам референции, т. е. описанию того, как механизмы, задающие способ соотнесения языковых выражений с внеязыковой действительностью, определяют функционирование различных уровней языковой системы русского языка. В частности, рассматриваются проблемы, связанные с семантикой и синтаксисом местоимений, правила «семантического согласования» предиката и связанных с ним имен, интерпретация морфем в составе сложного слова, высказывания тождества и т. д.

Во второй части рассматриваются ключевые идеи русской языковой картины мира, т. е. совокупность представлений об устройстве мира, которые говорящими на русском языке воспринимаются как сами собою разумеющиеся, и делается попытка выявить связь этих представлений с некоторыми специфическими особенностями русской культуры. В частности, рассматривается семантика ряда трудно переводимых русских слов, обсуждается вопрос о том, каков образ человека в русской языковой картине мира, как в ней представлены время и пространство, какие бытовые представления и общие жизненные установки в неявном виде закодированы в значении русских слов, в чем заключаются особенности задаваемых русским языком этических представлений.

81.031

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-074-1

9 785944 570741 >

© А. Д. Шмелев, 2002

© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 2002

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

От автора	12
-----------	----

Часть I

Референциальные механизмы языка

Введение	15
0.1. Предмет и цель исследования	15
0.2. Метод и материал исследования	22
0.3. Структура работы	26
Глава 1. Неокаузальная теория референции	28
1.1. Основные понятия неокаузальной теории референции. Понятие денотативного пространства . . .	28
а) Денотат, экстенсионал, референт	28
б) Автономные и квазиавтономные употребления	29
в) Дескриптивная и индексальная референция; «цитатное» употребление	31
г) Релевантное денотативное пространство	35
д) Временной срез как денотативное пространство	39
е) Миропорождение	42
1.2. Пробный камень теорий референции	43
а) Референция собственных имен: прагматический принцип	43
б) «Нестандартные» употребления ИС: мнимые отклонения от «прагматического принципа» . .	48
в) Определенность и идентификация в «неокаузальной» теории референции	51

Глава 2. Классы и индивиды: пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения	56
2.1. Типы внеязыковых сущностей	56
2.2. Эпизодические и гномические предикаты	60
2.3. «Суперкатегория» предложения	67
Глава 3. Определенность — неопределенность и проблемы квантификации	72
3.1. Определенность — неопределенность: логический, прагматический и синтаксический подходы	72
а) Проблемы определения определенности	72
б) Синтаксический подход к определенности	75
в) Определенность — неопределенность генерализованных и абстрактно-референтных имен	77
3.2. Кванторные выражения русского языка: семантика, референция, коммуникативные свойства	81
а) Естественная языковая и логическая квантификация	81
б) Кванторные выражения, указывающие на полноту охвата: лексемы <i>весь, всякий, каждый</i>	83
в) Кванторные выражения, указывающие на большое и малое количество: <i>мало, много, немногие, многие</i> и др.	89
г) Краткие выводы	97
Глава 4. Определенность и неопределенность: виды референциальных противопоставлений	98
4.1. Постоянное и переменное денотативное пространство	98
а) Дистрибутивная референция	98
б) Наглядно-примерная референция	100
в) Гипотетическая референция	101
4.2. «Миропорождение» и противопоставление <i>de re — de dicto</i>	102
а) Референция к объектам ирреального мира	102
б) <i>De re — de dicto</i> и другие референциальные противопоставления	104
в) Жесткие десигнаторы в ирреальных суждениях тождества	105
г) <i>De re — de dicto</i> в контексте пропозициональных установок	106
4.3. <i>Кто-то</i> и <i>кто-нибудь</i> в контекстах миропорождения	108

а) Условия употребления местоимений на <i>-то</i> и на <i>-нибудь</i>	108
б) Противопоставленность местоимений на <i>-то</i> и на <i>-нибудь</i>	109
4.4. Коммуникативный аспект референции: позиция говорящего	111
а) Различия в позиции говорящего и виды неопределенности	111
б) Референтность — атрибутивность как отражение позиции говорящего	114
в) Референтность — атрибутивность и другие референциальные противопоставления	116
4.5. «Местоимение + собственное имя»: проблемы интерпретации	118
а) Предварительные замечания	118
б) Конструкции «указательное местоимение + ИС»	118
в) Конструкции «неопределенное местоимение + ИС»	119
г) Конструкции «обобщающее местоимение + ИС»	125
д) Общие выводы	126
4.6. Семантика неопределенных местоимений: лексикографический аспект	127
а) Два подхода к описанию семантики местоимений	127
б) <i>Какой-то</i> vs. <i>какой-нибудь</i>	128
Глава 5. Референция при передаче чужой речи	133
5.1. Стратегии передачи чужой модели мира	133
а) Репортаж (<i>de dicto</i>) vs. интерпретация (<i>de re</i>)	133
б) <i>De dicto</i> и <i>de re</i> при передаче оценки	136
в) Стратегия <i>de re</i> как демагогический прием	145
5.2. Косвенные вопросы	146
а) Косвенно-вопросительное придаточное — отличие от придаточных других типов	146
б) Два типа косвенно-вопросительных предложений	149
в) Косвенно-вопросительные придаточные и фактивность	153
Глава 6. Референция личных местоимений	157
6.1. Состав и свойства русских личных местоимений	157
а) Сколько в русском языке личных местоимений?	157
б) Транспозиция личных местоимений	167

6.2. Нулевые местоимения: референция и прагматика	172
а) Референциальные и прагматические свойства местоимения $\emptyset/ты$	172
б) Референциальные и прагматические свойства нулевого местоимения $\emptyset_{3мн}$	176
в) Местоимения в обобщенном значении: разные типы обобщенности	179
г) $\emptyset/ты$ и $\emptyset_{3мн}$ в системе русских личных местоимений	182
Глава 7. Референция в высказываниях идентификации	186
7.1. Идентификация с точки зрения неокказуального подхода	186
а) Вступительные замечания	186
б) Два типа идентификации	186
в) Предикация или идентификация?	190
7.2. Переосмысление высказываний тождества	193
а) Псевдоидентификация	193
б) «Тавтологии»	194
в) Контрфактическое тождество	199
Глава 8. Референциальный потенциал как словарная характеристика	205
8.1. Семантика существительного и его референциальный потенциал	205
а) Общие замечания	205
б) Результативные имена	207
в) Актуальные имена	211
г) Референциальный потенциал качественных существительных	216
д) Референциальные особенности функциональных имен	220
е) Реляционные имена	227
ж) Пронаминальные существительные	231
8.2. Проблема словарного отражения референциальных характеристик	232
а) Инкорпорированный объект: типы референции	232
б) Референциально ориентированный словарь?	235
Глава 9. Референция и художественный текст	239
9.1. Логический статус «вымышленной действительности»	239
а) Истинность в вымышленном мире	239

б) Вымысел и коммуникация	240
9.2. Художественная роль референциальных показателей	243
а) «Непредназначенность текста неосведомленному получателю»	243
б) Два вида «недосказанности»	246
в) Краткие выводы	251
Заключение	253
Приложения	256
1. Отсутствие эксплицитных референциальных показателей как материал для языковой игры и речевой демагогии	256
2. Собственные имена в статьях Максима Соколова	258
3. Парадокс автонимности как основополагающий принцип шарады	263
4. Парадокс автореферентности (самофальсификация) По законам пародии? (экскурс)	267
5. Антикритика	283
Предметно-терминологический указатель	290
Часть II	
Русская языковая модель мира:	
Материалы к словарю	
Введение	295
Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка?	295
Методологические замечания	296
Объект рассмотрения	298
Сквозные мотивы русской языковой картины мира	299
Строение человека в русской языковой картине мира	301
Общие принципы	301
Дух и душа	302
Материальный состав человека	306
Материальное и психическое в русской языковой картине мира	306
Тело и плоть	308
Кровь	309

<i>Кости</i>	313
Интеллектуальная жизнь человека: <i>голова и мозг</i> . . .	313
Прочие материальные составляющие человека . . .	315
Время в русской языковой картине мира	316
Загадки времени	316
Парадоксы темпоральной ориентации	316
<i>Близкое и следующее; молодое и старое</i>	320
<i>Мясопуст и сыропуст</i>	322
Что такое <i>мясопуст</i> и <i>сыропуст</i> ?	323
«Разночтения» и парадоксы	326
<i>Утро</i> и <i>вечер</i>	331
Когда начинаются новые сутки?	331
Принципы членения суток на периоды	332
Русское <i>утром</i> и его синонимы	336
Этикетные формулы	340
Пространственная составляющая «русской души»	342
<i>Свобода и воля</i>	343
<i>Простор</i>	347
<i>Пространство vs. простор</i>	347
<i>Даль, ширь, приволье, раздолье</i>	348
<i>Простор или уют?</i>	349
Пространство как источник мучений	353
<i>Неприкаянность</i>	353
<i>Маяться и томиться</i>	354
«Широта русской души»	355
<i>Гуляния</i>	355
Что такое «широта души»?	357
<i>Тоска</i>	359
<i>Удаль</i>	362
<i>Размах и хлебосольство</i>	364
<i>Родные просторы</i>	365
Общие жизненные установки	367
<i>Смирение</i>	367
Установка на <i>примирение</i> с действительностью . . .	367
«Наплеватьство»	368
Переосмысление <i>смирения</i>	370
Совместимо ли <i>смирение</i> с «активной жизненной позицией»?	372
Какое «смирение» нам подобает?	373

«Примирение с действительностью» в совет- скую эпоху	374
<i>Гордость</i>	375
<i>Попрек</i> и русская культура поведения	379
<i>Попрекать</i> нехорошо	379
<i>Попреки</i> при выяснении отношений	380
<i>Стыд</i> в кругу родственных концептов	382
Когда и кому бывает <i>стыдно</i>	383
Чем различаются <i>стыд</i> и <i>позор</i> ?	389
Мелкие слова как выразители жизненной позиции	395
<i>Авось</i>	396
<i>На всякий случай, в случае чего, если что</i>	398
<i>Небось</i>	403
Бытовые представления носителей русского языка	406
<i>Собираться</i> и <i>заодно</i>	406
<i>Собраться /собираться</i>	406
<i>Заодно</i>	407
Непредсказуемость	409
<i>Неожиданности</i> в русской языковой картине мира	409
«Гадательное» <i>вдруг</i>	419
Отношения между людьми	422
<i>Закуска</i> : «задушевность» в застольном общении	423
Любовь и счастье	427
Язык дружбы	435
Философия жизни	443
Жизнь по правде	443
<i>Правда</i> в кругу смежных концептов	443
<i>Справедливость</i> в русской наивной этике	448
Долг и обязанность	458
<i>Судьба</i>	460
Библиография	463
Словари (принятые сокращения)	463
Список литературы	463
Указатель лексических единиц	483

От автора

В основу первой части настоящей книги положена серия работ по референциальной семантике, опубликованных автором в 1983—1993 гг. (в ней использованы также некоторые результаты исследований, проведенных автором совместно с †Т. В. Булыгиной — особенно это касается глав 2, 5, 6, а также раздела 2 главы 3). Некоторые результаты этих исследований были обобщены в монографии «Референциальные механизмы русского языка», опубликованной в 1996 г. в серии *Slavica Tampereusia* и практически не доступная российским читателям. При подготовке настоящего издания возникал соблазн подвергнуть текст монографии переработке, дополнить его новыми примерами, подтверждающими высказанные положения, а может быть, и вновь написанными разделами, уточнить кое-какие формулировки; но в конце концов было принято решение воспроизвести основной текст, изданный в 1996 г., лишь исправив замеченные опечатки. Однако были слегка дополнены новым материалом четыре приложения к работе и написан раздел «Антикритика» (пятое приложение), в котором я отвечаю на замечания, сделанные рецензентами тамперского издания.

В основу второй части легли исследования, проведенные в 1991—2000 гг. (часть из них — совместно с †Т. В. Булыгиной, Анной А. Зализняк или И. Б. Левонтиной). Ее первоначальный вариант был написан в 1997 г. при поддержке Research Support Scheme of Higher Education Support Program (грант № 511/1995); в последующие годы были сделаны существенные дополнения. Окончательный вариант второй части был закончен в 2001 г. при поддержке РФФИ (грант № 01-06-80401) и вышел отдельной книгой в 2002 г. Для настоящего издания сделаны некоторые добавления.

ЧАСТЬ I

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКА

Глава 1

Неокаузальная теория референции

1.1. Основные понятия неокаузальной теории референции. Понятие денотативного пространства

а) Денотат, экстенционал, референт

Современная теория референции характеризуется значительным терминологическим разнообразием. Так, говоря об объектах, обозначаемых посредством языковых выражений, используют термины «референт», «денотат», «экстенционал», «десигнат», «релят», «значение» (по Фреге), «номинат» и др.; при этом понимание данных терминов у разных авторов оказывается различным. В настоящей работе используются три из этих терминов («референт», «денотат» и «экстенционал»), причем между ними проводятся следующие терминологические разграничения.

Внеязыковой объект, наименованием которого может служить некоторое языковое выражение, является денотатом данного языкового выражения. В конкретном высказывании языковое выражение может соотноситься со всем множеством своих денотатов (с экстенционалом) или лишь с некоторыми (в частном случае — с каким-то одним) из них. Объект или множество объектов, с которыми соотносится языковое выражение в конкретном высказывании, называется референтом этого языкового выражения¹. Если два выражения соотносятся с одним и тем же референтом, говорят, что они кореферентны. Например, кореферентны существитель-

¹ Следует иметь в виду, что встречается и иное употребление терминов теории референции. В частности, иногда термины «денотат» и «референт» употребляют недифференцированно.

ное мальчик и местоимение он в высказывании *В комнату вошел мальчик, он был очень взволнован.*

б) Автонимные и квазивтонимные употребления

Еще в средневековой логике (в частности, Вильямом Оккамом) было принято различать случаи, когда языковое выражение действительно обозначает внеязыковой объект и когда оно имеет референцию к самому себе. В первом случае референция языкового выражения (в средневековой логике использовался термин «суппозиция» — *suppositio*) определяется его значением, которое понималось не как понятие, а как множество объектов, т.е. фактически как экстенсионал выражения. Во втором случае референция («суппозиция») не зависит от значения (такое употребление сейчас принято называть автонимным употреблением языкового знака). Случаи «независимого от значения» (автонимного) употребления языкового выражения Оккам подразделял на случаи, когда выражение имеет в качестве референта стоящее за ним понятие (их было принято называть «простой суппозицией» — *suppositio simplex*), и случаи, когда референтом является устная или письменная форма данного выражения (они назывались «материальной суппозицией» — *suppositio materialis*). Примеры автонимного употребления: «*Молодость*» — понятие относительное («простая суппозиция»); «*Хлеб* — имя существительное» («материальная суппозиция»).

Иногда к автонимным причисляют ИГ в высказываниях, выражающих дефиницию, номинативное тождество или используемых для представления незнакомого человека: *Декарт и Картезиус — одно лицо; Морфема — это минимальная значимая единица языка; Знакомьтесь, это Коля.* Действительно, эти высказывания могут быть перефразированы как *Декарт и Картезиус — имена одного и того же лица; Морфемой называется минимальная значимая единица языка; Этого человека зовут Коля*, т.е. при помощи предложений, в которых указанные ИГ имеют автонимный статус. Тем не менее ИГ в исходных предложениях относить к автонимным не следует. Ведь если бы они были автонимными, т.е. обозначали бы самих себя, то данные высказывания имели бы значения 'Имя Декарт и имя Картезиус — одно лицо', 'Термин морфема — минимальная единица языка', 'Это — имя Коля', полностью отличные от значений исходных предложений. Такие ИГ, не являющиеся автонимными, но соответствующие автонимным

ИГ в синонимичных высказываниях, в работе [Шмелев 1984б] было предложено называть квазиавтонимными.

Следует подчеркнуть, что к автонимному употреблению способны не только существительные. Любое языковое выражение может означать самого себя, функционируя при этом «в значении существительного», т.е. занимая синтаксическую позицию имени. Так, в следующих высказываниях автонимным статусом характеризуются языковые выражения, стоящие в кавычках: «Любить» — это глагол; Суффикс «-тель» является одним из наиболее употребительных в данном словообразовательном типе; В предложении «И волчью вашу я давно натуру знаю» нестандартный порядок слов и т.д.²

В то же время далеко не всегда автонимное употребление специально маркируется в письменном тексте (при помощи кавычек или иным образом), а в устной речи автонимные употребления вообще никак не выделены. В силу этого возможно замаскированное автонимное употребление языковых знаков, которое может служить источником многочисленных загадок, парадоксов, языковой игры. Так, загадка *Чем кончаются и ночь, и день?* основана на том, что человек, впервые услышавший эту загадку, скорее всего, будет интерпретировать употребление слов *ночь* и *день* как «обычное», неавтонимное и ему не придет в голову правильный ответ — «мягким знаком».

Поэтому для правильного понимания текста необходимо уметь отличать автонимные употребления от неавтонимных. Некоторые контексты, для которых характерна автонимная интерпретация, описаны в работе [Шмелев 1984б]. Так, ИГ в позиции несогласованного приложения (*газета «П р а в д а»*) всегда имеет автонимный статус. Имя собственное в именительном или творительном падеже при глаголе именования (*звать(ся)*; *назвать*; *называть(ся)* и т.п.) также почти всегда понимается автонимно — например, у Пушкина: *Ее сестра звалась*

² Кавычки имеют и множество других функций, помимо указания на автонимность; а с другой стороны, это не единственный способ указания на автонимный статус ИГ. В лингвистических текстах, для которых автонимное использование языковых единиц неизбежно и необходимо, фактически различаются разные виды автонимности, и если для «материальной суппозиции» (референции к внешней стороне языкового выражения) обычно используется курсив, то для «простой суппозиции» (референции к понятийной стороне) — так называемые «марровские кавычки». Однако речь идет лишь о не вполне устоявшейся практике, которая может варьировать от одного автора к другому.

*Татьяна; И*так, она звалась *Тат*ьяной; *Дорогой* узнал я от солдата, что старую барыню зовут *Ка*ролиной *И*вановной; *Его* зовут *А*леко; *Муж* просто звал ее: *На*таша, / Но мы — мы будем называть: / *На*талья *П*авловна; *Звала* *По*линою *П*расковью и т.п. Затруднения может вызвать квалификация нарицательного существительного или распространенной ИГ при глаголе именования. В некоторых случаях такая ИГ является автонимной: *Это животное называют муравьедом; ...после болезни, называемой черной немочью* (Пушкин) и т.п. Но часто она скрывает за собою предикатную ИГ: *Не зови меня счастливец*м (Жуковский) ($\approx$ 'не считай меня счастливым'); ср. у Пушкина: *Проза едва-едва выкупает гадость того, что зовут они поэзией* ($\approx$ '...что они считают поэзией'); *...на то, что некоторые философы называют* ($\approx$ 'считают') *естественным состоянием человека; ...Никто... не называл его педантом* и т.п. В подобных случаях глагол именования фактически выступает в функции глагола пропозициональной установки: *назвать Петра мерзавцем* $\approx$ *сказать, что Петр — мерзавец*. Используя такую конструкцию, говорящий указывает на то, что данная предикация принадлежит не ему, а субъекту установки; но в случае совпадения или «солидарности» говорящего с субъектом установки предикация воспринимается как более категоричная; ср. *Вот что чудом-то зовут* [$\approx$ 'Вот это настоящее чудо!'] (Пушкин); *Это я называю благородством* [$\approx$ 'Это, по-моему, истинное благородство'] (Э. Кестнер, пер. с нем. К. Богатырева). Предикатный статус имеют также ИГ при глаголе именования в сообщениях о присвоении объекту нового статуса, ср. *назвать своей женою, назвать своим преемником*³.

в) **Дескриптивная и индексальная референция; «цитатное» употребление**

Случаи, когда для осуществления референции основную роль играет понятийное содержание соответствующей ИГ, в работе [Шмелев 19846] было предложено называть дескриптивной референцией. Дескриптивные ИГ не содержат в своем составе местоименных референциальных показателей, а тип референции определяется особенностями выбранной дескрипции. Использование для референции ИГ, включающих местоименные референциальные показатели, в той же работе предлагалось

³ Более подробно об интерпретации ИГ в конструкциях с глаголами именования см. [Шмелев 19886].

назвать индексальной референцией. При индексальной референции тип референции предопределен типом местоименного референциального показателя; дескриптивное содержание ИГ вообще отсутствует (как при референции личных местоимений) или же не играет решающей роли для установления референта (как, например, в случаях, когда дескриптивное содержание ИГ недостаточно для идентификации — ср. *Какой-то дурак все испортил; Дай-ка мне эту штуку*).

Для ИГ, характеризующихся признаком определенности, различие дескриптивной и индексальной референции оказывается близким различию индивидуализации и идентификации (см. [Головачева 1979: 175—176]): при дескриптивной референции однозначность обеспечивается индивидуализирующей функцией дескриптивного содержания, при индексальной референции — идентифицирующей функцией референциального показателя.

Одно из следствий проводимого языком разграничения дескриптивной и индексальной референции состоит в том, что, если дескриптивное содержание ИГ достаточно для того, чтобы однозначно идентифицировать объект, индексальная референция оказывается невозможной. Содержательно это означает, что местоимение в составе ИГ, которая однозначно указывала бы на объект и при отсутствии показателя идентификации, не является референциальным показателем — оно может иметь, напр., экспрессивное значение: *Надоела мне эта лингвистика!* Это объясняет и тот неоднократно отмечавшийся факт, что ИГ, имеющая в своем составе идентифицирующее местоимение, не может использоваться для длинной серии повторных упоминаний одного и того же объекта.

К особой разновидности индексальной референции относится употребление качественных имен с нулевым референциальным показателем. Так, в примере *Вот бегают дворовый мальчик, ...Шалун уж отморозил пальчик* (Пушкин) слово *шалун* характеризуется определенностью, хотя его дескриптивное содержание само по себе едва ли достаточно для идентификации референта. Качественные существительные в подобных примерах имеют не только референтную функцию, но выражают также дополнительную предикацию. Наличие дополнительно предикативного значения у таких ИГ обуславливает возможность появления различных обстоятельственных оттенков, напр. причинного, уступительного и т.п.: *Ты один не умывался И грязнулею остался, И сбежали от грязнули И чулки, и башмаки* [$\approx$ '...сбежали потому, что ты грязнуля'] (К. Чуковский);

Вольнодумец — начал ходить в церковь и заказывать молебны; *европеец* — стал париться в бане (Тургенев); *Глупец*, хотел уверить нас, Что Бог гласит его устами (Лермонтов). Такие высказывания почти синонимичны высказываниям с ненулевым показателем идентификации: *Глупец, он хотел уверить нас...* (или *Этот глупец хотел уверить нас...*); *Вольнодумец, он стал ходить в церковь...*; *И сбежали от тебя, грязнули, и чулки, и башмаки.*

От случаев индексальной референции с нулевым референциальным показателем следует отличать повторную номинацию лиц в таких примерах, как Михайловский писал в «Отечественных записках» ...Далее критик указывал...; В третьей книге Аристотель характеризует пять разновидностей мужества. К первой философ относит гражданское мужество; Кампоманес не склонен терять время на попытки вернуть Фишера на шахматную арену... Прошло уже двенадцать лет, как победитель матча в Рейкьявике оставил шахматы («64», 1984, № 18); Кажется у Репина спросили: «Какого цвета снег?» Старик рассердился: «Только не белый!». В приведенных примерах в качестве антецедента анафорического выражения выступает имя собственное, а для повторной референции используется одна из дескрипций, входящих в имеющееся у участников коммуникации «мысленное досье»⁴ носителя имени. При этом говорящий исходит из следующего представления: адресату речи известно, что Михайловский был критик, Аристотель — философ, Фишер выиграл у Спасского в Рейкьявике, а Репин дожил до преклонного возраста. При этом дескриптивное содержание используемых номинаций может быть достаточно (победитель матча в Рейкьявике) или недостаточно (критик, философ, старик) для однозначного выделения референта.

Данную разновидность определенной референции можно назвать, как это было предложено в работе [Шмелев 1984б], «презумптивной» референцией. Реально адресат речи может и не располагать «мысленным досье» носителя имени, в котором бы имелись соответствующие дескрипции, и в этом случае он устанавливает кореферентность лишь на основе «презумпции связности текста»⁵ (ср. [Беллерт 1978; Падучева 1973а]). Однако во всех случаях говорящий строит текст так, как если

⁴ Этот термин, заимствованный нами из работы С. Схоорла [Schoorl 1980: 162], использовался в [Шмелев 1984б; 1989а; 1993 и др.]; см. также главу 1.

⁵ А. В. Головачева [1979: 185] замечает, что текст *Сидоров сегодня опоздал к обеду. Профессор сел не в тот поезд* будет понят правильно,

бы он был уверен в наличии у адресата речи соответствующих сведений. Даже если говорящий вводит в повторную номинацию информацию, заведомо новую для адресата речи, это лишь сознательная эксплуатация законов коммуникации⁶, не противоречащая общему правилу о презумптивном характере сведений, используемых при определенной референции данного типа (как отмечалось выше, формулировки всех референциальных правил исходят из презумпции корректного использования языка).

Как от дескриптивной, так и от индексальной референции отличаются «цитатные» употребления ИГ, которые подобно ИГ, используемым при «презумптивной» повторной номинации, характеризуются определенностью. При «цитатном» употреблении референт обозначается посредством той же ИГ, посредством которой он был обозначен в предшествующем тексте, хотя дескриптивное содержание такой ИГ недостаточно для однозначной идентификации референта. Так, цитатным является повторное употребление слова *гражданин* в следующем отрывке:

Как раз в это время входит еще гражданин с большим таким портфелем. Вошел, портфелем покачал... и прямо за наш столик. «Разрешите? Чтобы уж один общий был заказ?» Я говорю: ...«Вот у него спрашивайте!» — и показываю на кота. Гражданин сел... Ну и далее уже как-то само собою последовал рассказ гражданина о себе (Залыгин).

Дескриптивное содержание слова *гражданин*, очевидно, не является индивидуализирующим: в тексте рассказа, из которого взят этот отрывок, фигурируют и другие люди, к которым могла бы быть применена эта дескрипция. Однако слово *гражданин* является стандартным обозначением именно данного персонажа на протяжении всего текста. Обратим внимание на невозможность поставить перед данным обозначением показатель идентификации; это связано с тем, что в пределах рассматриваемого текста слово *гражданин* является однозначным условным обозначением соответствующего персонажа — его своего рода «прямым именем» (термин Е. В. Падучевой [1973б: 150]).

даже если адресату речи заранее не известно, что Сидоров является профессором.

⁶ О подаче новой информации под видом пресуппозиции как об одном из приемов «языковой демагогии» см. работу Т. М. Николаевой [1988].

В работе А. Вежбицкой [1982] рассматриваются многочисленные примеры «цитатного» употребления оценочных выражений; ср.: *просто приятная дама* и *дама, приятная во всех отношениях* (Гоголь); *Прекрасная Дама* (Блок); *великий комбинатор* (Ильф и Петров) и т.п. (напр., у Гоголя: «Какой веселенький ситец!» — воскликнула дама, приятная во всех отношениях, глядя на платье *просто приятной дамы*). Deskриптивное содержание оценочных выражений не способно индивидуализировать референт, и потому определенность оценочного выражения при отсутствии специального индексального показателя является признаком «цитатного» употребления. В случаях, когда «цитатные» употребления конвенционализируются, соответствующие ИГ приобретают характер прозвищ и тем самым переходят в разряд собственных имен. И это не случайно: как мы увидим в разделе 1.2, стандартные употребления собственных имен весьма близки к «цитатным» употреблениям.

г) Релевантное денотативное пространство

При описании соотнесенности языковых единиц с внеязыковой действительностью необходимо иметь в виду, что в роли такой внеязыковой действительности может выступать не только реальный мир, но и некоторая воображаемая действительность, например, вымышленный мир художественного произведения. «Язык представляет собою не просто действительность, но и какую угодно действительность, в том числе и предполагаемую, а иной раз даже фиктивную, даже сознательно искаженную и без всяких оснований придуманную» [Лосев 1981]. Лингвисту, вообще говоря, важно не то, реальным или воображаемым является внешний мир того или иного речевого отрезка, а то, подчеркивается ли возможное несовпадение этого «мира» с реальным миром при помощи специальных языковых средств: наклонения, модальных слов, интонации и т.п. Таким образом, для лингвиста реальная действительность — это действительность, которая подается говорящим как реальная⁷. Именно о «действительности», подаваемой говорящим в качестве реальной, мы будем говорить как о соответствующей картине мира говорящего, или об универсуме речи.

⁷ В то же время некоторые особенности производимой при художественном вымысле референции к объектам вымышленного мира могут представлять специальный интерес (художественный вымысел в аспекте референции рассматривается в главе 9).

Как правило, для участников коммуникации важен лишь определенный фрагмент внеязыковой действительности. Услышав просьбу: *Сходи за спичками на кухню*, — адресат вряд ли будет гадать, о которой из множества кухонь, имеющих в различных домах, идет речь; существенный фрагмент действительности здесь квартира, в которой находятся оба собеседника.

Любой фрагмент внеязыковой действительности может быть назван денотативным пространством. Для всякого языкового выражения, употребленного в речи, релевантным является то денотативное пространство, в котором фиксируется референт данного языкового выражения.

Таким образом, поиск референта предполагает предварительное выявление релевантного денотативного пространства. Не всегда эта задача может быть разрешена посредством достаточно простых правил. Для существительного *ректор* в высказывании *Я расскажу об этом ректору* релевантным при некоторой естественной интерпретации является денотативное пространство института, в котором работает говорящий, взятое в момент, одновременный с моментом речи (т.е. объектом, обозначаемым посредством существительного *ректор*, является человек, выполняющий функции ректора данного института в момент речи). В определенных контекстных условиях возможны и другие интерпретации: например, речь может идти об институте, в который говорящий собирается прийти в качестве посетителя, о лице, которое станет ректором в некоторый момент в будущем, и т.п. Вычислив релевантное денотативное пространство, мы можем однозначно определить обозначаемый объект; в противном случае мы не сможем сделать выбор между лицами, которые являлись и будут являться ректорами различных учебных заведений в различные моменты времени.

Особенно важны правила выявления релевантного денотативного пространства для выявления референции ИГ в безартиклевом языке (и, в частности, в русском). Противопоставление определенной и неопределенной референции в безартиклевом языке могло бы быть описано с точки зрения соотношения референта ИГ с ее экстенционалом в релевантном денотативном пространстве (подробнее см. [Шмелев 1984а]).

В некоторых случаях в релевантном денотативном пространстве можно выделить один или несколько центральных объектов. Для референции к объекту, являющемуся центральным в релевантном денотативном пространстве, может оказаться несущественным дескриптивное содержание ИГ, и в таком

случае используется «индексальная» референция. С другой стороны, если дескриптивное содержание ИГ достаточно для того, чтобы однозначно идентифицировать референт, определенная индексальная референция оказывается невозможной.

В ряде случаев говорящий волен употребить или не употребить показатель идентификации — в зависимости от того, насколько он убежден в индивидуализирующих способностях дескрипции⁸: *Мы увидели лыжника. Вдруг (этот) лыжник упал.* При употреблении показателя идентификации *этот* мы имеем дело с индексальной референцией, в противном случае имеет место чисто дескриптивная референция. Необходимость референциального показателя в высказывании *Мы увидели лыжника и вспомнили, что этого лыжника уже встречали и раньше* обусловлена тем, что во второй части высказывания речь идет об иной ситуации, связанной с иным моментом времени и потому предполагающей иное денотативное пространство, в котором дескрипция *лыжник* не могла бы однозначно определить референт. В то же время референт ИГ *этого лыжника* является центральным в релевантном пространстве, как объект, только что введенный в «поле зрения» адресата речи.

При определении того, какое именно из многих возможных денотативных пространств является релевантным для конкретного употребления ИГ, действует «принцип Приоритета»⁹. В соответствии с этим принципом в роли релевантного денотативного пространства могут выступать микромиры любого из участников коммуникативной ситуации и любого из объектов, каким-то образом введенных в поле адресата речи¹⁰, множество участников описываемой ситуации и т.п., причем объекты, непосредственно названные в предшествующем тексте, имеют приоритет перед коннотируемыми объектами, объекты, на которые говорящий непосредственно указывает (напр., при помощи указательного жеста), — перед названными в предшествующем тексте объектами, объекты, занимающие централь-

⁸ А. В. Головачева [1979] называет подобные случаи контекстами «слабой идентификации».

⁹ Рассмотрение проблем, связанных с прагматическим «принципом Приоритета» и выбором приоритетных стратегий, см. в [Бергельсон, Кибрик 1981].

¹⁰ При этом нахождение объекта в поле зрения адресата речи не обязательно связано с дейксисом или анафорой: ср. *И никто не называл его по имени, а просто словом «он», и так как все каждую минуту думали о нем, то это неопределенное название представлялось более ясным, чем полное имя, и никогда не заставляло переспрашивать* (Л. Андреев).

ное место в описываемой ситуации, — перед периферийными. Указанные стратегии действуют как при индексальной, так и при чисто дескриптивной референции; в обоих случаях может возникать двусмысленность, связанная с тем, что применение приоритетных стратегий не дает однозначного результата — ср. *Мать Оли, когда она заболела, стала очень нервной*¹¹ (она — мать или Оля?) и *Петров попросил Иванова рассказать обо всем отцу* (отцу Петрова или Иванова?).

Трудности, связанные с использованием приоритетных стратегий для выявления релевантного денотативного пространства, можно продемонстрировать на примере использования терминов родства в тех случаях, когда объект родственного отношения не указан эксплицитно. Стандартная приоритетная стратегия состоит в следующем: при определении лица, в микромире которого фиксируется референт, субъект действия имеет приоритет перед говорящим, говорящий — перед адресатом речи (за исключением случаев, когда один из участников коммуникации ребенок: он имеет приоритет перед всеми). В силу этого в высказывании *Иван рассказал обо всем матери* речь, скорее всего, идет о матери Ивана, в высказывании *У мужа неприятности* — о муже говорящей; в высказывании *Жена с работником на хутор за рассадой уехала* (А. Веселый) жена обозначает жену говорящего, а в высказывании *Работник с женой уехал на хутор* обозначала бы жену работника. Тем не менее различные факторы могут повлечь изменение стратегии: так, высказывание *Вы ненавидите мужа*, взятое изолированно, скорее всего было бы понято как высказывание субъекта предложения, т.е. слушающей, однако в пьесе «Дядя Ваня» Чехова пол участников коммуникации (Елена Андреевна говорит Войницкому) однозначно показывает, что речь идет о муже говорящей. Если беседуют две женщины, то высказывание *Муж рассказал мне...* понимается как высказывание о муже говорящей, а *Что рассказал муж?* — скорее как вопрос о муже слушающей. Нормально, если в предложении есть несколько терминов родства, их референты фиксируются в одном и том же микромире. Это вытекает из единственности фокуса эмпатии — см. [Купо 1976]; однако следует учитывать возможность смены фокуса эмпатии для достижения того или иного эффек-

¹¹ Пример Д. Э. Розенталя [1974: 162]; ср. обыгрывание возможности различного соотношения личного местоимения с референтом у М. Булгакова: *О браслете знает Константин. Передай ему (не браслету, а Константину) мой привет.*

та: Он рад, что непохож на мужа барыниной Аннушки [в фокусе эмпатии Аннушка], с которым скандалы происходят раз в две недели: он ломится к жене [в фокусе эмпатии муж], а та боится (Б. Зайцев).

Релевантное денотативное пространство может ограничиваться каким-то одним временным срезом, определяемым моментом отсчета (т.е. моментом, хронологически совпадающим с описываемой ситуацией или с моментом речи). Релевантное денотативное пространство может сужаться под воздействием и других элементов высказывания.

Указанные приоритетные стратегии существенны не только для установления референта, но и для выбора номинации. В примере из Л. Толстого¹²: *Продам мешок огурцов — на эти деньги курицу куплю* — ИГ с указательным местоимением (*эти деньги*) не может быть заменена ни на личное местоимение (**Продам мешок огурцов — на них курицу куплю*), ни на ИГ без местоимения (**Продам мешок огурцов — на деньги курицу куплю*). Использование личного местоимения невозможно, поскольку при установлении antecedента местоимения объект, названный в предшествующем тексте, имеет приоритет перед подразумеваемым («туманным» antecedентом), а «деньги» лишь коннотируются глаголом *продать*. В то же время чисто дескриптивная референция невозможна ввиду свойств подчиняющего глагола *купить*, имеющего в своем толковании сему 'деньги' (что обуславливает тавтологичность сочетания **куплю на деньги*). При других подчиняющих предикатах предпочтительной оказывается чисто дескриптивная референция: *Продам мешок огурцов, а (*эти) деньги закопаю в саду (пропыю, потрачу на курицу)*¹³.

д) Временной срез как денотативное пространство

Понятие релевантного денотативного пространства позволяет во многих случаях сформулировать правила, регулирующие употребление и референциальную интерпретацию имен и дескрипций, более простым образом. Рассмотрим в этой связи наблюдения М. М. Бурас и М. А. Кронгауза [1987], касающиеся употребления определенных дескрипций, обозначающих

¹² Этот пример приводится М. И. Алехиной [1975: 54] и Е. В. Падучевой [1982а: 29] в подтверждение тезиса, что ИГ с указательным местоимением может соотноситься с коннотированным в предшествующем тексте объектом.

¹³ Таким образом, упомянутый тезис М. И. Алехиной и Е. В. Падучевой нуждается в некотором уточнении.

Научное издание

Алексей Дмитриевич Шмелев

**РУССКИЙ ЯЗЫК И ВНЕЯЗЫКОВАЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

Издатель А. Кошелев

Корректор М. Григорян

Оригинал-макет подготовлен А. Шипуновой

Подписано в печать . Формат 60×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,5. Заказ № 184

Издательство «Языки славянской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6–105; № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: Lrc-kozlov@mtu-net.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Облиздат».

248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гюозис».

Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Zubovskiy b-p, 17, str. 3, k. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication

by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).